

*Чем печальней и чем безнадежнее
Одиночества тусклые дни,
Тем все ярче забытое прежнее
Зажигает в тумане огни.
Позади, сквозь сиянье вечернее,
Мне пройденную видно между.
Все спокойней и все легковернее
Я на будущий путь свой гляжу.
Оттого сердцем, жизнью раненым,
Мне умерших мгновений не жаль,
Что в былом, как в стекле затуманенном,
Отразилась грядущая даль.*

Поликсена Соловьева

Пробуждение от сна было внезапным и неприятным. Ярин повернулся на другой бок, желая схватить во сне серую козу с колокольчиком на шее. Но коза лукаво усмехнулась ему, взбрыкнула грязными копытцами и умчалась, звеня колокольцем. Только услышав из ванной визгливые крики жены: «Не слышишь, что ли?! Открой!», он окончательно понял, что веселая коза была во сне, а колокольчик — всего лишь требовательный звонок в дверь.

— Вам телеграмма! Распишитесь! — Пожилая почтальонша смотрела на него буднично и сурово.

Задрапированный в простыню, как римский император в тогу, Ярин расписался на бланке, просипел «спасибо» и принялся вертеть в руке телеграмму.

«Буду 2-го. Встречайте. Доля»

— Какая Доля? — Ярин недоуменно посмотрел на вышедшую из ванной жену.

— Ой! — с головы жены слетело полотенце.— Доля же звонила 10 дней назад. Говорила, что наверно приедет на пять дней. Я забыла сказать.

— Какая Доля?! — Ярин не любил просыпаться рано, да еще будучи в отпуске, и начинал выходить из себя.

— Сядь,— вздохнула жена, и Ярин понял, что разговор затянется.

— Помнишь, у нас на свадьбе был мамин троюродный брат Женя. Незрячий от рождения. Помнишь?

Ярин был здоровый крепкий мужик 39 лет, любое упоминание о немощи было ему неприятно. К счастью, и жена Рита была крупная, пышная, дородная женщина, от нее веяло уверенностью и покоем. И никаких увечных родственников Ярин не помнил, тем более что свадьба состоялась 12 лет назад, и в семье уже подрастали два сына-близнеца.

— Ладно, не помнишь, так и Бог с ним. Он умер три года назад. Царство небесное, хороший был человек, беззлобный, и очень начитанный. А все потому, что у него была чтица Дарья Викторовна. Святая женщина. Ему шесть лет было, когда ее в семью пригласили. Она все ему читала, уроки с ним делала. С ее помощью он и школу окончил, и институт. И так привязалась к нему, что потом и денег за свою работу не брала. С ним и осталась, и ухаживала за ним как мать. И ее как члена семьи уже принимали. Своей семьи у нее не было. А теперь, она вроде как одинокая тетушка, с кучей племянников, то есть всей нашей родни. То к одному поедет погостить, то к другому. И очень вежливая, никогда без подарка не придет. Вот теперь к нам решила. Я маленькой ее помню. Ей тогда чуть больше сорока было.

— А теперь под восемьдесят? — Ярин злился над нелепостью ситуации, над тем, что ему не дали поспать, и вообще на то, что отпуск скоро заканчивается, а в доме еще массу вещей надо сделать по мелочи.

— Где-то около того,— жена не уловила иронии в вопросе.— Да, и на свадьбе нашей она тоже была. Только они с Женей видно в дальнем углу сидели, ты поэтому не помнишь. Но они к нам подходили, поздравляли. И потом как-то приходили вместе, подарили чайный сервиз. Зеленый, с золотыми полосками. Он на старой квартире остался.

Не вспомнил? Ну, ладно. В общем, ты ее встретишь, пусть располагается в гостиной или в детской. Хорошо, что мальчишки в лагере.

— Не понял! Кх-х! — Ярин от удивления даже поперхнулся. — Что значит — «ты встретишь»? Аты?

Рита повернулась к нему всем корпусом и выкатила глаза.

— Ты, вообще, что-нибудь помнишь? У меня 31-го командировка. Или мне работы лишаться?

Рита работала в фирме медицинской косметики и неплохо зарабатывала. Ярин преподавал сценическую речь в театральном институте и его зарплата была гораздо меньше жениной.

— Хорошее дело! — Ярин даже зашелся от гнева, что с ним бывало редко! — Ты куда-то в тьму-таракань уедешь, а я тут незнакомых старух принимать буду! Твоих, кстати, знакомых, не моих!

Но и жена была не робкого десятка!

— Ярин! — в решающие минуты она обращалась к нему патетически по фамилии. — Ты меня, вообще, слышишь? Уменя командировка важная. Если я не поеду, то в зарплате урезать могут, или вообще уволят.

Ярин не привык спорить с женщинами, тем более с такими крупными и дородными, как его жена. Сам он вырос в семье, где царили одни женщины — мама, бабушка и тетя. Все они были большими, громогласными, и авторитет их был непререкаем. Но от них веяло стабильностью и покоем, и он был рад, что жена его похожа на них.

— Почему ты не сказала заранее? Куда приезжает? И почему Доля? Что за имя такое? — спросил он более миролюбиво.

— Забыла! И так как белка в колесе целыми днями кручусь! На автовокзал. В 14.15. Да, не кипятись. Нормальная бабка. Из бывших. Отец у нее, кажется, царский полковник или даже генерал был. В общем, вся семья такая цирлих-манирлих. А Доля, потому что ее в нашей семье Долли называли, ей нравилось так. Женька маленький не мог выговорить, и переделал в Долю. Так и прижилось. Но божий одуванчик старушка. В жизни никому грубого слова не сказала. Кстати, тебе полезно с ней пообщаться. Речь у нее — заслушаешься! И по-французски говорит, если, конечно, сейчас помнит.

— Благодарю! — съязвил Ярин. — А я все думал, не выучить ли мне французский на досуге! — Всю ночь какая-то коза серая снилась, спал беспокойно, и тут с утра — пожалуйста! Хорошо, хоть Доля. А то Долли — собачье имя какое-то.

— Очень смешно! Ладно, Вольдемар, — жена перешла на игривый тон. — Не боись! Коза снится к переменам в жизни. Холодильник я вам заполню. Пельмешек наверхчу, борща сварю. С голоду не помрете. Она неприхотлива, и очень воспитанная. Не соскучитесь!

Через четыре дня Ярин ехал к автовокзалу. Рита уже укатила в командировку, напутствовав мужа целым списком рекомендаций и ин-

струкций. Из них Ярин запомнил только первостепенные позиции: то, что старушеницу зовут Дарья Викторовна, что она высокая и худощавая, что носит очки с сильной плюсовой диоптрией и говорит, грассируя.

На автовокзале все инструкции полетели к черту! Людей было как кроликов в садке! Все куда-то спешили, шныряли, торопились, летели, толкали друг друга, ругались и кричали. У Ярина, привыкшего к размеренному образу жизни и определенному маршруту: дом-институт-прогулки в сквере перед домом и изредка вылазки в лес на тихую охоту, зарябило в глазах и разболелась голова.

Он не сразу заметил одиноко стоящую у газетного ларька высокую женскую фигуру. Слева к ларьку была прислонена какая-то обломанная деревяшка, видимо от старой мебели. Женщина держалась за нее и растерянно озиралась по сторонам.

— Здравствуйте! — Ярин подошел решительно, уж больно женская фигура гармонировала с обломанной деревяшкой.— Вы Дарья Викторовна?

Женщина повернулась, заморгала сильно:

— Да. А вы Владими`р, муж нашей Р`иты?

— С приездом, Дарья Викторовна! Давайте вещи, и к машине!

— Да у меня немного, Володя. Вы позволите себя так называть? Вот только две сумки. Ой, что вы, не утр`удняйте себя. И называйте меня просто — Доля.

В машине старушка долго суежилась, размещая сумки, которые почему-то не захотела класть в багажник. И все извинялась, что доставляет Ярину ненужные хлопоты и «утрудняет» его. И при этом так заискивающе смотрела ему в глаза, что Ярину становилось неловко и тоскливо.

«Да, нудный экземпляр. Держись, брат Вольдемар, тебя ожидают славные дни! Хитрая Ритка, как у нее так получается, вроде бы и не виновата, а все равно вывернулась, а мне отдуваться. Принесла же эту бабку нелегкая».

— Ой, как неве`роятно изменился го`род! Боже, а этого моста не было! Когда его пост`роили? Я была тут так давно, как все пе`ременилось! Ст`рашно сказать, сколько лет живу в поселке. Но, вы знаете, Володя, запах, а`ромат го`рода остался п`режним! Да! Пахнет так же, как в моей молодости — от мостовой запах осенних яблок — такой п`ряный, сладкий, чуть с гнильцой! Как хо`рошо! Боже мой, скве`р, мой любимый скве`р!

Ярин почувствовал глухую досаду, словно у него заболели зубы. Мостовая пахла обычно: нагретым асфальтом, по`том бесчисленных прохожих, бензином, выхлопными газами. Для того, чтобы уловить во всей этой мешанине тонкий аромат осенних яблок, надо было обладать очень сильным обонянием. Или воображением. Старушка восторга-

лась буквально всем: детям в парке, нелепым новомодным бронзовым памятникам, пиццериям, шашлычным, кафешкам, магазинам, женщинам в яркой одежде, проходим с собаками, подросткам на роликах, фургонам со свежим хлебом. Все было в поле ее зрения, скорее душевного, чем физического. Она словно дала себе задание восхищаться и исправно выполняла его.

И внешность ее вызывала какое-то странное чувство. Словно бледный лепесток увядшего цветка, дрожащий сильнее, перед тем как сорваться.

«Перед смертью не надыхаешься». Ярин вспомнил, что его собственная бабушка, женщина недюжинной силы, приговаривала это, когда рубила курам головы. Куры отчаянно трепыхались, стараясь вырваться, но это им никогда не удавалось. Ярин наблюдал за бабушкой не то с ужасом, не то с восхищением. Она была отменной хозяйкой, не просто кулинаркой, а Хозяйкой с большой буквы. В ее подворье были и куры, и гуси, и два невероятно злобных индюка с противными шеями. Ярин ненавидел индюков, они всегда норовили схватить его, маленького, за ногу и вечно косились на него яростными оранжевыми глазами. Но бабушка не торопилась их резать, берегла до Нового года. А кур было много, и бабушка ловко управлялась с ними. Для нее природа была открытой книгой, жизнь и смерть плавно заступали на место друг друга, поэтому бабушка одними и теми же руками спокойно разделявала зарубленную ею птицу, а через несколько минут гладила крохотных, недавно вылупившихся цыплят.

И вот сейчас такое же беспокойное чувство. Сидит эта мадам (или мамзель), в платье цвета стародевической невинности, то есть сильно помытого розового, щебечет, грассируя, о том, что все прекрасно и великолепно. А глаза за толстыми стеклами тревожные. Будто хочет сказать что-то и не может.

— Ах, как у вас к`расиво! — восторг бабки, поутихший на подступах к дому, принял новые обороты, едва они вошли в квартиру.— Боже! Синяя ванная! Цвет тайны и муд`рости! Волшебно! О!!! Кухня в любимых Р`иточкиных тонах — шоколад, сливки и земляника! Слушайте, это так чудесно, что, п`раво, хочется съесть саму кухню! Ха-ха-ха!

Ярин, яростно споривший с женой во время ремонта по поводу темно-коричневых стен, светло-бежевого пола и ярко-красной мебели в кухне, пробормотал нечто неопределенное. Но, надо признать, кухня и впрямь получилась «вкусная».

— Сейчас накроем на стол! Кухню есть не придется. Посмотрим, что Рита оставила.

— Как? Старушка растерянно посмотрела на него.— А р`азве Р`иточка не будет с нами?

— Дарья Викторовна,— взял терпеливый тон Ярин,— Рита срочно

должна была уехать в командировку. Работа — сами понимаете. А дети в лагере с бойскаутами. Вы просто поздно предупредили, что собираетесь приехать. Если бы хоть на месяц раньше — все можно было бы переиграть.— Ярин вдохновенно врал, естественно, дети уж точно не согласились бы отказаться от веселых каникул с бойскаутами ради неизвестной старухи.

— Бой... Простите, я не поняла.

— Ну, это вроде как пионеры. Пожалуйте к столу, Дарья Викторовна! — Ярин был сама учтивость.

За столом продолжился та же история. Доля шумно восторгалась и малиново-огненным борщом в мраморных прожилках сметаны и голландским сыром, и салями, и хлебом, и острым маринованным перцем в стеклянной вазочке, и фирменным Ритиным салатом из чернослива с чесноком и орехами в майонезе. Закатила глаза на бутылку «Шардоне».

— Ах! Ну, это п`росто лукулловский пи`р! Нет, погодите, я неп`ременно должна выложить и свои гостинцы!

— Вот! Это от нас вашему столу! — Доля торжественно водрузила на стол разноцветные баночки.— Ва`ренья! Это малина, сама соби`рала, это к`рыжовник,— она ткнула пальцем в банку с чем-то ярко-зеленым.— Видите, какое изум`рудное? А что за со`рт не скажу — сек`рет! Это лечо, это перцы начиненные. Я специально подби`рала р`азных цветов, чтобы как светофо`р к`расиво было. Все свое домашнее, чистое!

Старуха глядела светло, и столько мольбы было в ее взгляде, что у Ярина на мгновение перехватило дыхание. Потом он вздохнул и улыбнулся. Долгая практика в театральном институте и врожденная артистичность натуры пришли на выручку.

Через несколько дней Ярин убедился в справедливости другой поговорки своей бабушки: «Первый день гость в доме — счастье, второй — докука, а третий — несчастье». Доля болтала без умолку и ее изящное грассирование и французский прононс уже не пленяли, а изрядно раздражали. Кроме того, она вбила себе в голову, что Ярин нуждается в ее заботе и помощи и предлагала их с несвойственной для восьмидесятиоднолетней дамы прытью. Ярин заставлял предприимчивую старуху то на кухне с Ритиным миксером в трясущихся руках. Видите ли, она хотела испечь ему на утро яблочные оладьи. Оладьи получались, но потом Ярину приходилось чинить миксер и отмывать плитку от брызг. То считала нужным вытереть пыль, протереть влажной тряпкой кресла и диван и перемыть полы во всем доме, после чего Ярин не мог найти любимой зажигалки и очков, на полу оставались разводы, а кресла и диван были влажными и неприятно холодными. «Вернется Ритка,— клял в душе жену Ярин,— дождется у меня, ой, дождется! Я ей покажу, как мужа подставлять!»

Актерское умение жить в предлагаемых обстоятельствах стремительно иссякало, и Ярин злился на жену, детей, себя, старушеницу и весь мир.

К концу четвертого дня раздражение достигло апогея. Доля, то и дело смахивая слезу, с упоением рассказывала о незабвенном Женечке. О том, каким он был чудным мальчиком, как хорошо учился, внимательно впитывал то, что она ему читала. «А пе`речитали мы п`рактически всю классическую ми`ровую лите`рату`ру. А как он любил Р`ема`рка! Обожал «Т`риумфальную а`рку». Я несколько р`аз ее пе`речитывала. П`равда там было несколько отк`ровленных моментов. Мне всегда неловко было их озвучивать».

Ярин, испугавшись, что старухе придет фантазия анализировать драму героев «Триумфальной арки», поспешил ретироваться.

— Доля, мне нужно отлучиться на некоторое время.— Старуха взметнула на него умоляющий взгляд.— Я в магазин. Вам нужно что-нибудь?

— Да, неп`ременно. Возьмите овсянки и молока. Я завтра вам кашу сварю. Уве`ряю вас, такую кашу вы никогда не п`робовали. Я буду варить ее по маминому ста`ринному р`ецепту с п`рянностями и медом. Я заметила, что вы неп`равильно питаетесь. вы еще молодой мужчина. Зачем вам в ста`рости п`роблемы с желудком? Неп`ременно на завт`рак надо есть теплую обволакивающую пищу, чтобы п`риготовить желудок к новому дню. А вы что делаете? Заг`ружаете его та`ртинками.

— Чем?

— Та`ртинками, до`рогой д`руг. Ибо, буте`рб`родами называется только хлеб с маслом. А то, что вы п`редпочитаете — хлеб с колбасой, ветчиной и п`рочее — это п`росто та`ртинки.

— Благодарю вас, Дарья Викторовна! Буду знать!

Ярин шаркнул ножкой, но старуха, поглощенная новыми восторгами по поводу яркого заката, не заметила его язвительности.

«Завтра последний день! Господи, дай мне сил! Последний день — он трудный самый! Завтра к вечеру провожу бабку на вокзал, посажу в автобус и — гуляй казак! Свобода — лучшее благо, или как там говорил Вольтер?» За четыре дня Ярин немало наслушался цитат и изречений на французском. «Господи, вот дал же ты энергию этому существу! Кто такое, что такое, дунешь — улетит, а туда же шебуршится, лопочет без устали, ни минутки не посидит спокойно. А в молодости, видно, ничего была, кожа у нее и сейчас не слишком морщинистая, белая, и фигурой тоже Бог не обидел — статная. Интересно, был у нее кто-нибудь когда-то, или так всю жизнь с Женечкой и просидела?»

В магазине Ярин взял масла, ветчины, шпротного паштета. Потом подумал, вернулся и добавил к покупкам овсянки и молока. Последний день остался, совестно огорчать старушку.

— Ну, вот, Доля,— Ярин постарался придать голосу задушевные нотки.— Все ваши заказы выполнены. Вот овсянка, вот молоко.

— Спасибо, Володя,— она даже имя его произносила на французский манер. Получалось не Володя, а как бы *Во*,— а потом с небольшим усилением,— *льедя*. И от этого было смешно и немного грустно. Словно старуха перекатывала в гортани маленький шарик изо льда, и этот шарик стремительно таял.

«Что это с нею? Молча взяла свертки, пошла на кухню, не тархтит как обычно. Приболела, что ли? Только этого еще не хватало!»

— Доля, а что это с вами? Вдруг погрустнели. На вас не похоже.

— Спасибо, милый друг. Нет, все хо`рошо. Жаль только, Р`иточку и детей повидать не п`ришлось.

— Ну, что вы. Просто так получилось. В следующий раз непременно повидаетесь.

— Конечно, Володя. Конечно, повидаемся. Надоела я вам за это время, вы уж простите великодушно.

— Доля, мне ваше настроение решительно не нравится. Что случилось? Откуда вдруг такие мысли? Может, неважно себя чувствуете?

— Нет, Володенька. Я очень р`ада была вст`рече. Вы пода`рили мне дивный отдых. Масса впечатлений, масса!

Ярин почувствовал легкий укор совести. За все это время ему и в голову не пришло спросить старуху о ее жизни, об отце — полковнике или генерале, о том, что она любит, что помнит. С ее-то словоохотливостью, может, она и ждала этих расспросов. А самой было неловко первой начать. «Цирлих-манирлих» — вспомнил Ярин слова жены.

Да и по чести сказать, когда же ему было задавать вопросы? Доля тархтела без умолку, но именно о том, что в данную минуту попадало в поле ее зрения. Тут она начинала восторгаться. Да еще тема Жени. Пожалуй, единственная тема из прошлого, на которую она не могла не распространяться. Но никогда ни о чем больше!

— Я по`раньше лягу сегодня, Володенька. Завт`ра много дел. Вещи соб`рать, приб`рать в комнате.

— Доля, что там прибирать? Вы же сама чистота. Завтра мы с вами сходим на выставку коврового искусства. Недавно открылась в Музее искусств. Потом в ресторан — вы не против?— потом еще погуляем, а уже потом на вокзал. Да, вот Рита велела вам передать.— Ярин открыл шкаф и вынул небольшой пакет.— Это халат банный, мягкий, Рита сама выбирала для вас.

— Милая девочка! — Доля всплеснула руками.— Какое чудо!

Халат был, действительно, красив — большой махровый в серо-голубых и фиолетовых разводах. Но, пожалуй, слишком тяжел для старухи. На самом деле, год назад Рита купила его для себя, но потом почему-то он ей не понравился, и халат так и лежал в шкафу и ждал

своего часа, чтобы быть проданным или подаренным кому-то. Вручение халата тоже составляло один из пунктов инструкции жены.

— Зачем она так ут`рудняла себя? — Доля вытирала ладонями глаза, всплескивала руками, трогала халат, как невиданного и очень ценного пушистого зверя. Ярин был рад, что к бабке вернулась ее прежняя говорливость.

— Это такой до`рогой подарок. Такой до`рогой,— бормотала она.— Merveilleux! (прекрасный). Superbe! (изумительно!)

«Ну, пошла молоть мельница»,— Ярин вновь почувствовал глухую досаду.— Теперь он даже жалел, что начал интересоваться настроением старухи. «Шла себе спать, нет, надо было тебе расспрашивать».

— Только, Володенька, если можно, давайте не пойдем на выставку. А, если вас не ут`руднит, поедем на Восьмую Наго`рную. Это последняя остановка вто`рого т`рамвая. Он ведь ходит еще?

Ярин присел от неожиданности. Ни Восьмой Нагорной, ни трамвайных линий в их городе давно уже не было.

С трудом удалось выяснить, что Доля имела в виду один из самых отдаленных уголков города. Там где еще сохранились старые двухэтажные домишки, и полуразрушенные трамвайные линии, заросшие бурьяном.

«На машине придется»,— подумал Ярин. По дороге на автозаправку заехать, бензина не хватит. С чего ей вдруг приспичило? Да ладно уж, последний день».

Ночью Ярин несколько раз просыпался. Было слышно как старуха беспокойно ворочается, кряхтит, и что-то тихо бормочет по французски.

— Доля, все в порядке? Может, вам что-то нужно?

— Нет, все замечательно. П`ростите, Володенька, р`азбудила вас. И ночью вам покоя от меня нет.

Наутро Доля была говорлива как обычно, шумно восторгалась и овсянкой, и молоком — «Какие ароматные, сразу видно, что свежие!», но Ярин почувствовал за этой трескотней напряжение. И глаза были как в первый раз — тревожные. Будто хочет что-то сказать, а не может.

Ехали долго. Доля вертела головой по сторонам, вновь восхищалась новыми зданиями, проспектами, улицами, магазинными вывесками, женщинами в ярких нарядах, красивыми машинами, россыпями фруктов и овощей за стеклами витрин.

«Еще немного, еще чуть-чуть»,— подбадривал себя Ярин, пытаюсь совместить три вещи: не спускать глаз с дороги, улыбаться Доле и отвечать на беспрестанные ее вопросы.

Бывшая Восьмая Нагорная, по сути, представляла собой большой пустырь, заросший бурьяном и одичавшими олеандрами. Видно было, что когда-то здесь кипела жизнь. Олеандры были высажены в шахмат-

ном порядке по обеим сторонам улицы: белые, темно-малиновые и розовые. Венчали аллеи сосны и тополя. Увы, сейчас от этого великолепия не осталось и следа. Только два — три чахлах соцветия на олеандровых кустах указывали на их цвет, а сосны и тополя давно были съедены вездесущим плющом.

«Тут, наверно, и не живет никто,— Ярин вглядывался в покосившиеся балконы, в черные провалы окон.— Переселили людей. И правильно. Давно пора эту рухлядь сносить».

— Вот здесь. Будьте добры.— Доля была серьезна, и в лице ее не было ни кровинки.

Ярин въехал во двор маленького двухэтажного дома. Жизнь давно уже ушла из него, плющ покрыл ступени подъездов, расплзался по красно-желтым, осыпающимся стенам.

— Стоит. Живая моя,— старуха подошла к небольшому кривому дереву. Оно росло в отдалении, перед четвертым, последним подъездом дома. Ярин не заметил его сразу.

— Стоит,— повторила она трясущимися губами и погладила темно-серую кору.— Вот и повидались,— она прижалась головой к дереву и застыла.

Через несколько минут она отошла от дерева — прямая, высокая, с плотно сжатыми губами.

— Мы в этом доме жили, Володенька. И это де`рево чуть не с рождения помню. Мы с него детьми съезжали, как с го`рки. Мама пи`рог с грушами пекла и варенье варила. А я, когда зимой болела, то из окна все на эту г`рушу смотрела. Вон наше окно, на пе`рвом этаже.— Доля махнула рукой в сторону черного, полускрытого плющом провала.— А еще няня учила молиться пе`ред сном, чтобы жизнь и здоровье Бог послал папе, маме, младшему б`рату Антоше и маленькой сест`ре Милочке. Так над этой г`рушей всегда светила яркая звезда, будто елочная иг`рушка. Я, на нее глядя, молилась.

— А потом, когда папу арестовали, так он, пе`ред тем как уйти, постоял чуть-чуть около нее, погладил ко`ру, а потом ушел, не оборачиваясь. Мы в окно все видели.

Потом за мамой пришли. Она тоже, когда уходила, замешкалась немного около де`рева, веткой волосы ее зацепило. Потом ушла. Домой они не ве`рнулись.

— А вы? — спросил Ярин почему-то шепотом.

— Нас в р`азные детские дома, а няня уме`рла вско`ре. Б`рат и сест`ричка погибли тоже. Это я потом узнала. Поедем, Володенька?

Всю обратную дорогу старуха молчала и только покачивала головой, словно удивляясь чему-то. В кафе ехать она отказалась и повеселела только на вокзале.

— Ну, вот и все,— говорила она бодро, удобнее устраиваясь в кресле автобуса.— Теперь уже вы ко мне п`риезжайте. Р`ита знает как

найти. Жаль, не удалось увидаться. Спасибо за дивный отдых, Володенька.

Ярин разместил ее сумки в багажном отделении, чмокнул холодную старческую щеку, помахал вслед отъезжающему автобусу, и через полчаса напрочь забыл о Доле.

До приезда жены оставалось еще три дня, и можно было бы с чувством выполненного долга наслаждаться ничегонеделанием.

Первая ночь прошла восхитительно. Никто не верещал, не трещал и не восторгался. Блаженная тишина была разлита вокруг. Ярин спал как младенец. Дом, милый дом!

Во вторую ночь Ярин проснулся от неясного чувства. Будто что-то должно было произойти, и он, Ярин, стоял на пороге этого открытия.

«А ведь она прощаться приезжала,— осенило его.— Эх, ну и дурак же я! Поэтому и стрекотала, заговаривала себя. А глаза такие умоляющие были. И Ритка, Ритка, хороша, нечего сказать. Халатом откупилась. Всю жизнь Доля их семье отдала».

Первым стремлением его было первым же рейсом поехать в маленький поселок, где жила Доля, и разузнать, все ли в порядке.

Но Ярин никогда не следовал сиюминутному велению души. Надо было все хорошо обдумать, дожидаться жены и детей.

«Вместе все поедem. Подарков привезем. Старуха обрадуется»,— и, радуясь удачному решению, он нырнул под одеяло и вскоре уснул.

Следующий день прошел в заботах. Надо было привести квартиру в порядок к приезду жены.

— Ну, что очень утомила тебя Доля? — Рита выглядела уставшей, но довольной, поездка оказалась удачной.

— Нет, занятая дама. Даже интересно с ней было.

— Ну, а я что говорила? Сама деликатность — лишнего никогда ничего не скажет, стесняется загрузить.

«Ут`рудить» — вспомнил Ярин и усмехнулся.

— Слушай, надо бы как-нибудь к ней съездить. Она так расстроилась, что не застала тебя и детей. По правде говоря, свинтус ты хороший, подруга дней моих суровых, супруга милая моя!

— Чего это я свинтус? — шутливо надула губы Рита.— Когда ездить? Ты мне объясни — когда? Я работаю как вол, отпуск только четырнадцать дней, и прикажешь их в деревне проводить с милыми сердцу рассветами, закатами и пастушескими трелями по утрам?! Дети вообще не поедут, взвоют через полдня, что в город хотят, к друзьям, а ты понудишься два дня от силы и тоже домой запросишься. Я не права? Ну, хорошо, как-нибудь в выходные съездим. В ближайшее время не получится, в следующем месяце выберемся.

На том и порешили. И обоим стало весело и спокойно, как может быть спокойно только любящим и чистым сердцем людям.

Через неделю вернулись близнецы. Окрепшие, подросшие, исцарапанные, но веселые, пропахшие дымом костра. Перебивая друг друга, рассказывали о летних приключениях. Надо было собирать их к школе, да и Ярин двадцать шестого августа вышел на работу. И коллеги нашли его весьма отдохнувшим и посвежевшим. Надо было составлять учебный план на следующий год, готовиться к институтским будням.

А еще через месяц пожилая почтальонша с будничным и суровым взглядом принесла им телеграмму, где кратко сообщалось, что накануне в поселке скончалась Вересова Дарья Викторовна, или попросту Доля.

Послесловие: рассказ посвящается светлой памяти великого артиста Ростислава Плятта с благодарностью, любовью и благоговением.